

Шизофрения вместе с "ты"

Райан О'Мера

Проблемы с окружающим миром у Райан ежедневно и повсеместно. Неприятности как будто специально караулят девушку за каждым углом. И даже такой, казалось бы, мирный уголок монастырской территории как пруд вдруг тоже глубоко и безоговорочно оказался на стороне проблем. Самым что ни на есть предательским образом.

К пруду О'Мера пришла, если можно так выразиться, "знакомиться" - и минут пятнадцать честно топталась рядом с водной гладью, преданно на неё глаза. Мало-помалу кристальная честность и преданность из взгляда ирландки дезертировали, оставив вместо себя всё растущее с каждой минутой недоумение - пруд себя позиционировать в этом мире по отношению к Райан не желал никак. Не проявлял ни безусловной дружбы, ни безусловной вражды. Ни знаков внимания, ни пренебрежения, хоть бы и самых завалящих, паршивец, никак не выказывал.

- Если гора не идёт к Магомету, тогда Магомет сам пойдёт к горе. И будет долго и униженно биться лбом о камни, умоляя обратить на него внимание, - сообщила в пространство Райан. То ли проинструктировала саму себя, то ли просто подходящую к случаю присказку озвучила. И мелкими шажками двинулась к кромке непрошибаемо спокойной воды.

Вода оказалась нестерпимо холодной, когда О'Мера, не рассчитав, влезла в неё носками кед - хлипкая обувь тут же пропиталась ледяной влагой. Вслед за первой своеобразной "атакой" пруд тут же обрушил на ирландку вторую - перестав твёрдо цепляться за берег, подошвы заскользили невесть куда, определённо куда-то в сторону омута. Райан взвизгнула, заваливаясь назад, и суматошно замахала руками в надежде вдруг взять и обрести опору. Или спасителя.

Финехас Зейдан

Ярлык флегматичного лентяя Финн на себя успел навесить давным-давно, ещё когда в школе учился - причём там даже не "я сам себя", а просто все вокруг примерно так и утверждали, парень лишь чужое мнение принял, превратил в свой девиз и начал им усиленно размахивать направо и налево, как хорошей оглоблей. А в Линь Ян Шо вдруг оказывается, что настало время этот ярлык модифицировать. И добавить к нему обидный и хлесткий титул "бревно". Красивых девушек в монастыре не просто много - каждая на свой лад, но они безоговорочно красивы все, как на подбор. От такой высочайшей концентрации девичьей красоты сперва в первый же день скручивает и колотит лихорадочным жаром, а уже на следующий день отпускает, да так, чтобы никогда и не возвращаться больше.

Что далеко ходить за примером: девушка, уже минуты три очаровательно и забавно переминающаяся с ноги на ногу у пруда - бесспорно, тоже красавица. Тоненькая, лёгкая как воробей, с точеной фигуркой и хорошеньким личиком... вот только и эта прекрасная нимфа никакого заинтересованного волнения в крови не вызывает. Пульс залегает под кожей ленивым сытым питоном, у некоторых мертвецов и то бойчее будет. Слоняющаяся по берегу девушка тем временем по неизвестной Финехас причине пытается забраться в пруд и там утопиться - и вот тут уже не до конспирации и длительных рассуждений. Нужно срочно спасти симпатичную дурочку. Финн проявляет недюжинную и неожиданную для самого себя прыть,

успевая подскочить к девушке раньше, чем та окончательно и безнадежно завалится на спину. И подхватывает красавицу под хрупкие локти, оттаскивая подальше от воды.

- Хьюстон, Хьюстон, приём, как слышите меня? - согласен, фраза идиотская. Но она Финну ужасно необходима - чтобы успеть собрать из вороха знакомых слов нечто, напоминающее связное предложение, и более-менее осмысленно выдать: - Сильно промокла или больше напугалась?

Райан О'Мера

О'Мера в своём кратком падении успела не только испугаться до краткой остановки дыхания, но и бегло подумать, что, оказывается, столько времени боялась совершенно не того, чего следовало бы. Грешила на лестницы, подозревала в жестоком коварстве ступеньки, а вероломной на деле оказалась мягкая и спокойная синева воды.

Впрочем, развить свою мысль до совсем уж катастрофических масштабов и задаться вопросом, какая жизнь после смерти ожидает утопленниц, ирландка не успела. Чуть выше локтей цепко сомкнулись чьи-то ладони, в противопоставление ледяной, податливо расступающейся воде, удивительно тёплые и крепкие. Райан послушно и доверчиво провисла на так вовремя подхвативших её руках, боясь не вовремя шелохнуться, чтобы тёплые ладони не оказались вдруг жестоким миражом, последней галлюцинацией утопающего сознания.

- Я не знаю, почему ты зовёшь меня чужим именем. Меня зовут Райан. Кто такой этот Хьюстон, что ты столь смело приравниваешь меня к нему? - наконец рискнула раскрыть рот О'Мера, когда окончательно поняла, что стоит на твёрдой земле и тонуть больше негде. Запрокинула голову, чтобы взглянуть на так вовремя пришедшего ей на помощь человека - и столкнулась с пронзительно зелеными глазами на смуглом лице. Райан до сих пор пребывала в искренней, наивной и детской уверенности, что все жители Востока, Ближнего ли, Дальнего ли, и уж тем более жители Африки все сплошь черноволосые и черноглазые. Поддерживающий же ирландку под локти зеленоглазый араб в эту картину мира никак не вписывался, раздвигая и ломая её тесные рамки - и О'Мера так и застыла, невежливо таращась на парня и совсем забыв, что надо наконец вес тела переносить с чужих рук на свои промокшие и замерзающие, но вполне ещё функционирующие ноги.

Финехас Зейдан

Девушка, кажется, самостоятельных телодвижений совершать не планирует, целиком полагаясь на руки Финехаса - но это, вообще говоря, все равно и не слишком важно. Красавица легкая, кажется почти невесомой. Таким манером, должно быть, можно отбуксировать ее хоть до самых жилых корпусов, и усталости не ощутить. В целом, Финн даже и не против такого метода буксировки, если бы девушка вдруг запрокинула голову и манерно попросила поработать бодрой лошадкой и прокатить ее до комнаты. Да такую хрупкую и тонкую, пожалуй, можно всю дорогу на руках нести и все равно усталости не ощутить - Финехас лениво перещелкивает эти мысли в голове, оттаскивая красавицу подальше от воды. В этот-то момент девушка действительно запрокидывает голову, обстреливая парня очередью из удивленных фраз - и тут же становится ясно, что часть определений нуждается в немедленной корректировке.

Во-первых, девушку зовут Райан. И во-вторых, если уж говорить совсем откровенно, называть ее красавицей - это все-таки будет чересчур смело и лестно. Для

обладательницы неземной красоты у Райан, на взгляд Финехаса, слишком крупные черты лица. Но что подкупает, так это удивительная наивная беззащитность взгляда. И столь же оглушающая наивность задаваемых девушкой вопросов - впрочем, в их непредсказуемости есть своя определенная прелесть.

- Хьюстон - это не "кто", это "что", - не задумываясь, отвечает Финн. И, вопреки неудобной, по-кошачьи ускользающей позе выгнувшейся девушки все же ставит Райан на ноги. И на всякий случай придерживает ее за плечи - вдруг девушке вздумается не устоять и осесть на песок? - Это центр управления космическими полетами. В США. Но благодаря одному фильму стал именем нарицательным и пошел в народ. Так как ты? Сильно промокла? Или больше напугалась? - терпеливо повторяет Финехас, еще не зная наверняка, но уже смутно догадываясь, что мыслит девушка как-то по-своему, по-особенному. И задавать ей вопросы будет вовсе не таким легким делом, как обычно рисуется.

Райан О'Мера

На собственных ногах Райан послушно устаканилась и даже вознамерилась на песок не оседать. Хотя, признаться честно, вверять себя в тёплые руки удивительного зеленоглазого араба было куда приятнее и даже как-то надёжнее. Едва выпрямившись, О'Мера тут же обернулась к парню, внимательно и серьёзно слушая его разъяснения. Что со своей серией удивленных вопросов она, как это частенько бывало, села в лужу, ирландка уже догадывалась. Но новый знакомый проявил в отношении девушки удивительное благодушное терпение. Над наивной неосведомленностью не смеялся, пальцем у виска не крутил, а терпеливо отвечал. Словно читал коротенький абзац из энциклопедии, на ходу оживляя и приукрашая сухой текст, а местами и отчаянно перевирая.

- Имя нарицательное. Я поняла. Кажется, - старательно закивала головой Райан. И, со второго раза уловив наконец вопрос парня, задумчиво перевела взгляд на свои кеды, успевшие окунуться в пруд. Переступила с ноги на ногу и прислушалась. В кедах отчётливо хлюпало.

- Вода там есть точно. Я её слышу, - задумчиво сообщила О'Мера. - Но я же больше испугалась, чем промокла, верно? Промочить ноги не страшно. Это же грозит только простудой. На худой конец - ангиной или гриппом. Я страшно боялась, что там, куда я падаю, не окажется дна. Или оно будет, но там, где утопленникам это уже ни к чему. Я очень плохо плаваю, - с тоской поделилась Райан. И, склонив голову набок, принялась сосредоточенно изучать шнурки на своих кедах. Так, как будто впервые их видела.

Финехас Зейдан

Первое, дистанционное впечатление от Райан, как теперь выясняется, было настолько ошибочным, что локти кусать впору от собственной дурной поспешности в суждениях. Да, девушка хорошенькая, это парень заметил ещё изначально - но Финн конкретно так промахнулся, когда добавил к этому внешнему фактору такое стандартное, общечеловеческое представление о девичьем характере. Райан своей наивной беззащитностью в это представление вписывается едва ли. И уж окончательно доламывает и без того тесные для неё рамки неожиданным и непривычным, но вместе с тем удивительно плавным ходом мысли. Девушка умудряется выглядеть до одури естественной в этой своей неожиданности, а Финехасу остаётся только голову ломать: это удачно надеваемая "на выход" маска или Райан такая и есть на самом деле, тотально отличная от всех остальных?

- Вода определённо есть, да? - Финн задумчиво повторяет за девушкой её мягкую текучую фразу, с неудовольствием отмечая, что в его исполнении эти слова звучат как-то сухо и угловато. Припоминает, что температура воды в пруду от сказочно тропической далека и даже тяготеет к арктическому холоду, и решает: - Простудишься. Садись и разувайся. Кеды промерзнут насквозь в любом случае, а вот тебя попробуем отогреть.

О том, насколько странный способ "отогреть" девушку пришёл ему в голову и не получит ли он за подобные фантазии по той самой голове, скажем, пяткой, Финн предпочитает не задумываться. Да ну обойдётся же.

Райан О'Мера

Шнурки из себя ничего примечательного не представляли. Так, тонкие полоски белой ткани, чуть потемневшие и разбухшие от воды и прилипшие к тёмной поверхности кед. И тем не менее, О'Мера разглядывала их с таким пристальным вниманием, как будто ей в самое ближайшее время предстояло писать тридцатистраничный реферат о ключевых отличительных особенностях данных конкретных шнурков. Возможно, потому и не поняла, откуда именно и как быстро вдруг возникло столь гибкое тепло в глазах молодого человека. Просто вскинула взгляд, удивленная неожиданной командой - а оно уже есть, мягко обхватывает девушку, поднимаясь из ярко-зеленой глубины.

Не избалованная доселе мужским вниманием, Райан засмущалась. Суетливо затрепыхалась на месте, как бестолковый взъерошенный воробушек. Попыталась было избавиться от обуви, наступая носком одной ноги на пятку другой - но шнурки, даром что были мокрые насквозь, крепко держали кеды на ногах. Смутившись ещё сильнее и пламенея лихорадочным румянцем, Райан опустилась на первый подвернувшийся камень и принялась торопливо и бестолково рвать пальцами намертво сцепившиеся друг с другом шнурки.

- Ты стараешься быть таким заботливым со всеми? - вопрос полетел с губ раньше, чем Райан успела определиться, хочет ли она слышать ответ. - Доброта и заботливость ещё не скоро начнут окупаться. Сейчас эпоха кричащей броскости в самом разгаре. Люди приучились любить глазами. Неважно, что у тебя в душе и в сердце, твои акции не котируются, если в активе есть ожог на пол-лица или отсутствующие пальцы на руке. Смотрят больше на маску, не на то, что под ней. Только встречают по костюму, забывая про то, что у пословицы есть ещё и вторая часть. Зачем тебе все эти внимательные и вежливые расшаркивания, если природа дала тебе красивую и запоминающуюся маску? Это что-то значит для твоей души? - к концу своего монолога О'Мера цветом пылающих щёк успела сравниться со спелым помидором. И сумела высвободить из обуви только одну ногу.

Финехас Зейдан

Обругать самого себя "балдой" - это же ритуал почти священный, неукоснительно выполняемый ежедневно, по различным причинам. Вот, например, сейчас, Финн выкраивает секунду для торжественной мыслеругани на самого себя. Райан и так смущается невероятно легко, а Финехас, получается, ей в этом ещё и помогает, провоцируя неловкие ситуации. Парень сам понимает: то смотрел на девушку, как на манекен в витрине, отрешенно-равнодушно, а то вдруг проморгался, увидел перед собой нешаблонное явление и начал его с любопытством рассматривать. Без объявления войны и практически без перехода. Ничего удивительного, что девушка от таких перемен настроения начинает нервно вибрировать.

Пока Райан сражается со своей обувью, Финехас опускается рядом с девушкой на колени и терпеливо ждёт. Возможно, из-за того, что парень сам уходит в молчанку, он и получает в лицо колкий град неудобных и резких вопросов. Неизвестно, делает ли она это намеренно, но мстит за своё смущение девушка сполна. Теперь наступает очередь Финехаса отводить глаза и неловко путаться в ворохе неподходящих, ничего толком не объясняющих слов.

- Это не страшная тайна, но страшная правда. Многоступенчатая и многослойная, - говорит наконец Финехас. Осторожно ставит босую ногу Райан к себе на колено и накрывает ладонями тонкую, хрупкую стопу, пытаясь согреть и бережно растирая. - Например, первый слой моей правды заключается в том, что в плане женской красоты я в последнее время стал жестоким дальтоником. Честное слово, я за все время своего пребывания в монастыре пока не встретил ни одной некрасивой девушки. Все красавицы, как будто другие на таможенно пограничный контроль и не проходят. Тут оставалось либо разорваться от количества вариантов, бросаясь на каждые встречные длинные ноги и симпатичное личико, либо как-то адаптироваться и научиться всей этой красоте не замечать. По тому, что я до сих пор представляю собой единый цельный кусок человечины, ты можешь понять, что я выбрал второй вариант. И, поскольку я теперь подхожу к девушкам с другим мерилем, считаю, что и они имеют полное право подойти ко мне с другой линейкой. И вот на этот случай надо иметь что-то годное внутри себя, чтобы не отличиться после измерений совсем уж жалким результатом, - сообщает Финехас. От того, что Райан вдруг подняла столь серьёзный вопрос, одновременно и тяжело собираться с мыслями, и при этом удивительно легко говорить. Препарировать самого себя на публику у Финна неизменно получается честнее и легче, чем наедине с собой.

Райан О'Мера

Мужскими ухаживаниями Райан была не избалована ни под каким, даже самым невинным видом. И потрясенно, почти испуганно распахнула глаза, когда парень принялся так внимательно, почти ласково возиться с замерзшими ногами ирландки. Подобных сцен не вставят ни в один романтический фильм - слишком уж все выглядит нелепо и недостаточно нежно и трепетно. Но О'Мера, на кино для влюблённых парочек не подсаженная, растолковала уверенные прикосновения широких и тёплых мужских ладоней не как неуклюжую попытку проявить вежливость, а как невероятную степень доверительной заботы. И, смутившись окончательно, заерзала на месте, не зная, как ей теперь правильно реагировать и что делать. Нужно ли проявлять встречное доверие или же на девушку всё-таки не легло никаких ответных обязанностей?

- Ты сказал, что правда многослойная, - напомнила Райан, торопливо хватаясь за провисшую было нить беседы как за спасительный круг. - Я не уверена, что верно тебя поняла, но мне показалось, "много" - это больше одного. Я бы даже сказала, это должно быть больше двух. Могу ли я просить тебя рассказать и об остальных слоях? Или для такой правды мы с тобой ещё недостаточно хорошо знакомы?

Финехас Зейдан

То, как Райан нервно вибрирует на месте и точно вспыхивает жарким румянцем, на обычное смущение тянет уже с трудом. И Финн, пренебрегая уже всеми мыслимыми правилами приличия, то и дело вскидывает на девушку глаза, примеривается к хорошенькому личику вязким испытующим взглядом. Определение "необычная" начинает трагически крениться на левый бок, отклоняясь от

первоначального позитивного значения. И в движениях Райан Финехасу начинает чудиться что-то больное, надломленное - как будто птица с перебитым крылом пытается взлететь, а сама и не летала по-настоящему никогда, и разве что смутно догадывается, что у неё что-то не выходит.

- А здесь не имеет значения, насколько хорошо мы знакомы, - поспешно говорит Финн, стремясь не додумывать, отпустить подлую мысль и не касаться её больше. - Это не такая страшная тайна, чтобы ото всех её прятать за высоким забором. Все равно рано или поздно вместе с забором вынесут. Второй слой заключается в моей непроходимой лени. Я ленив, как лорд Генри Уоттон, у которого единственной на славу трудящейся мышцей был язык - зато мышцей, в сочетании с философским течением мыслей порождавшей сочетания поистине гениальные. Так что, выражаясь языком дешёвых гадалок, я таким образом чищу самому себе карму. И на душе становится легче - легче верить, что я хоть и ленивый, а всё же не совсем гнилой. Ну а третья - третья правда заключена непосредственно в тебе. И состоит она в том, что я никогда раньше, ни у одной девушки не видел таких беззащитных глаз, - сознается Финехас. И осторожно распутывает светлые шнурки, высвобождая из обуви и вторую ступню Райан - когда пальцы одной ноги согреты, а на второй, наоборот, стремятся превратиться в ледышки, это, должно быть, один из самых отвратительных на свете контрастов.

Райан О'Мера

- Я не знакома с лордом Генри Уоттоном. Это твой друг? - доверчиво спросила Райан. И, не будучи уверенной, что не попадает впросак, но смутно припоминая, что "лорды" на сегодняшний день вроде как не в ходу и не в цене, поспешила пояснить: - Я совсем не знаю, как сейчас употребляются титулы. Как правильно, когда правильно, к кому правильно... Мне кажется, титулы никуда не ушли. Нигде. Они просто сменили форму, адаптировались под сегодняшний день. Как хамелеоны под пожелтевшие леса. Вместо "Ваше Величество" мы теперь говорим "господин президент". Вместо "Ваша Светлость" - "господин министр". Слово, дающее право, по-прежнему есть, и неважно, что оно звучит не старомодно, а вполне по-современному. Так кто такой лорд Генри Уоттон? Какие у него права?

Ремарку про "беззащитные глаза" О'Мера оставила без комментариев. Хотя ужасно покраснела и едва не ляпнула, что она так и не постигла это искусство - бронировать взгляд. Хотя сейчас это очень модно. Едва ли не навык первой необходимости. Выходить в общество, если твой взгляд не закован в стальной доспех - самоубийство почти, все равно что в бассейн с акулами нырять. А Райан даже до сих пор не знает, как к этому искусству подступиться. Не существует же лавки, где торгуют высококачественной броней для любых глаз, карих и зелёных, верно?

Финехас Зейдан

Финн таращится на Райан, из уст которой пулемётным очередями вылетают всё новые и новые перлы, изумленно и озадаченно, начиная мало-помалу понимать, что образные выражения и сравнения девушка, похоже, понимает своеобразно. В самом что ни на есть прямом смысле слов, безоглядно и безоговорочно доверяя каждой букве. "Хьюстон" - это, как оказалось, был только первый тревожный звонок. А сейчас манера чрезмерно верить каждому выверту чужого языка подводит девушку ещё раз, но уже, на взгляд Финехаса, куда как капитальнее.

- Это персонаж книги. Старого романа. Не живой человек, - терпеливо объясняет

Финн. Обнимает голени Райан, прижимая босые стопы девушки к своему животу, просто обязанному быть сейчас тёплым, как печка, и спокойно рассказывает дальше: - Книга называется "Портрет Дориана Грея". Её Оскар Уайльд написал. Был такой английский поэт нетрадиционной сексуальной ориентации, ты наверняка о нём слышала.

Последнюю фразу Финехас старается впечатать голосом как можно увереннее и непреклоннее. Мол, ответ "нет" не принимается, ты о нём слышала, и точка, я в тебя верю. И в связи с тем, что лорд оказался не настоящий, а вымышленный, Финн позволяет себе оставить совершенно без ответа всё длиннущее, угловатое и любопытное рассуждение Райан о титулах и их эволюции. Девушка интересна египтянину уже хотя бы только тем, как легко она на-гора выдаёт длинные, практически монологичные монологи на случайно выпавшую тему. Так не любая красивая мадам сумеет, а Райан, несмотря на своеобразное наполнение этих монологов, справляется с такой задачей без видимых трудностей. И, глядя на девушку снизу вверх, Финн одобрительно улыбается ей: *говори, я слушаю. Я весь внимание.*

Райан О'Мера

- Ох, - Райан смутилась, едва выяснилось, что лорд Генри Уоттон - даже не живой человек, а персонаж известной книги, торопливо поднесла ладони к лицу, пытаясь за длинными рукавами кофты спрятать свои запунцовевшие щеки. И продолжала краснеть только сильнее, когда ее ноги оказались в тесных объятиях молодого человека. На те сверхромантические соприкосновения рук и плеч, какие обычно показывают в самых разных фильмах, это походило мало. Но оставляло у Райан ощущение невероятной интимности ситуации. Как будто не между всеми влюбленными парочками такое происходит.

Впрочем, в любви и влюбленностях не имевшая пока в этом плане никакого опыта Райан разбиралась из рук вон плохо. Может, сейчас все и более чем нормально. Может, это так и должен вести себя воспитанный и вежливый молодой человек. А любовь и все такое прочее здесь совершенно не при чем.

- Нетрадиционная сексуальная ориентация была самым главным достоинством этого английского поэта? - уточнила О'Мера, продолжая отчаянно пунцовать. - Почему ты начинаешь рассказ именно с этого? Эта вещь интересует тебя в людях больше всего? Тогда я не смогу тебя порадовать интересными тебе знаниями. Я совсем ничего не знаю про свою сексуальную ориентацию. У меня пока не было шанса проверить, являются ли для меня более притягательными юноши или девушки. Но ведь говорят же, что "учиться никогда не поздно"? Может, и мне еще не поздно успеть поймать за хвост свой персональный шанс? - вдохновенно спросила Райан. И, наклонившись к юноше, пытаясь подражать подростковым и взрослым фильмам, ткнулась губами парню в район носогубного треугольника.

Финехас Зейдан

Финн коротко фыркает, пытаясь не разорваться обидным для девушки образом - за случайно оброненные слова Райан хватается с цепкостью голодного хищника, тут же начиная раздирать неловкую фразу на еще более неловкие осколки. А Финн вместо того, чтобы смутиться от того, как его ловят за язык, находит собственное кривое изложение в таком вот контексте ужасно смешным, особенно когда на речевые провалы ему так беспощадно указывают пальцем.

И Финехас честно пытается объяснить, что в контексте литературы ему, в общем-то, все равно, какой там человек был сексуальной ориентации, традиционной или не слишком - главное, чтобы конечный результат приятно радовал глаз, а по возможности еще и тянущуюся к прекрасному и высокому душу. Просто язык метет отчаяннее лопасти ветряной мельницы, что первое попало, то и смолот, вот и вышел такой странный акцент. Точнее, юноша честно собирается о этом рассказать. Но пока Финн подбирает слова, желая на этот раз выразиться так, чтобы не приходилось потом опять барахтаться в ворохе опасных недомолвок и оговорок, мысли Райан уже успевают совершить очередной кульбит, казалось бы, из темы разговора вытекающий очень и очень слабо - и вот девушка уже тычется губами юноше в верхнюю губу, мягко, доверчиво и неловко.

На мгновение Финн замирает, решая в уме непростую моральную задачку. А потом поднимает руки и касается хрупких плеч Райан, обнимает девушку и сам мягко целует ее в губы. Назвать это любовью с первого взгляда никак нельзя - но влечением с первого разговора уж точно.

Райан О'Мера

Райан успела за время общения с молодым человеком уверовать в то, что юноша воспринимает её как куклу. Забавную тоненькую куклу, в которую шальная фантазия конструктора вложила нестандартный, непредсказуемый набор фраз. И кукла может пойти на любую шалость, выкинуть любое внезапное колечко - ей простительно. Тем она и привлекательна, что непохожа на остальных. Поэтому к юноше Райан потянулась с относительно лёгким сердцем, считая, что своим не по делу смелым действием насмешит молодого человека, да и только.

Юноша же всё воспринял неожиданно, убийственно серьёзно. Почувствовав ответное касание чужих губ, но уже не шутливо-неловкое, а всамделишное и уверенное, Райан испуганно отпрянула. И уставилась на молодого человека округлившимися от изумления глазами, верно, круглыми сейчас, словно у совы.

- Я не то хотела, - чуть слышно пискнула вконец смутившаяся О'Мера. Вывернувшись из рук молодого человека, вскочила, подхватывая кеды, и отчаянно выдохнула: - Мне лучше уйти. Я разговариваю с тобой как-то сложно и неправильно. Настолько сложно, что даже моё тело начинает двигаться неправильно. Так, как в этом мире от него никто не ждёт. До чего мы с тобой дойдем, если ты продолжишь мне подыгрывать? Мы побежим через канадскую границу, потому что я как-нибудь случайно об этом скажу? Нет-нет, это ужасно нездоровая идея. Не стоит с ней соглашаться, даже если она будет заманчива, как Джессика Рэббит. Я лучше уйду, - повторила Райан. И, прижимая кеды к груди, во весь дух понеслась прочь по берегу, сбивая босые пятки о гальку.
